

— То есть, по-твоему, ты сорвался с обрыва, насмерть разбился и очнулся здесь, а наш Цзяо-цзяо каким-то непостижимым образом угодил в твоё тело? — Фу Ян заговорил почти шёпотом, опасаясь навлечь на себя гнев дежурной. Он приоткрыл дверь и выглянул наружу: в коридоре уже выключили свет, ни души.

Их комната была двухместной, так что свидетелей не предвиделось. Но даже так — кому расскажешь, ни за что ведь не поверит!

Цзи Яньсина слегка покорибила столь грубая формулировка о «смерти», но он решил её проигнорировать и лишь кивнул:

— Он не успел поведать мне, в какой именно миг очутился там. — Немного помедлив, он решил ничего не утаивать от Фу Яна: — Но, судя по моим подсчётам, это случилось сегодня после трёх часов пополудни.

— Сегодня? — Фу Ян озадаченно взъерошил волосы. — Но ты ведь сам перенёсся сюда ещё до полудня?

Логика происходящего напрочь ускользала от него.

— Верно. Однако, если судить по его словам, он прожил этот день заново. И перенёсся он к дверям тронного зала. То был день, который я уже прожил однажды.

— Чертовщина какая-то... — Фу Ян сокрушённо потёр виски, чувствуя, как закипает мозг. — Ладно, проехали. Самое главное — как вернуть всё на круги своя? Ты не можешь снова с ним связаться?

Цзи Яньсин помрачнел и покачал головой:

— То, что произошло сейчас — лишь чистая случайность.

Он и сам не ведал, когда выдастся следующая возможность поговорить, и удастся ли это сделать вообще.

— Если завтра мы не вернёмся в свои тела, тебе придётся повсюду следовать за мной. До тех самых пор, пока всё не наладится.

Фу Ян со вздохом смирился со своей участью и плаксиво протянул:

— Только упаси бог, чтобы об этом узнали его матушка и Мэн-мэн. Если они прознают — мне конец.

Обе женщины строго-настрого наказали ему приглядывать за Цзи Яо, и если они поймут, что тот бесследно исчез, с Фу Яна живьём спустят шкуру. И ведь бесполезно доказывать, что он тут ни при чём! Да, его вины не было, но разве взбалмошные женщины из семейства Цзи станут слушать доводы разума? Никогда в жизни.

— Мать... так сильно его опекает? — в голосе Цзи Яньсина прозвучала едва уловимая вопросительная интонация.

— Да не то слово! Отец, мать, старшая сестра, дедушка с бабушкой — все в нём души не чают. Разбаловали парня до невозможности, буквально пылинки сдували.

— Вот как. И всё же ты считаешь его своим другом.

— Я? Да я просто... ну, у него характер препаршивый, никто с ним знаться не хотел. Вот я и сжалился над бедолагой!

В темноте Цзи Яньсин едва заметно улыбнулся. Он вдруг заскучал по малому генералу Фу — они с этим парнем были похожи как две капли воды, оба такие же ершистые и гордые.

— Настоящий баловень судьбы, — тихо обронил принц.

Когда-то давно и его окружали заботой и любовью, но те времена давно канули в лету, рассеявшись в памяти, точно предутренний туман.

— И не говори, — вздохнул Фу Ян, но тут же добавил: — Хотя, если честно, Цзяо-цзяо классный. Он красивый, верный, за друзей горой. Помню, когда я не успевал сделать домашку, он всегда давал списывать, хоть почерк у него — чёрт ногу сломит... А ещё в детстве я был самым мелким, меня все задирали. Так Цзяо-цзяо, недолго думая, закатывал рукава и шёл врукопашную. Правда, драться он толком не умел, так что огребал обычно не меньше тех хулиганов. А однажды я случайно пролил колу на мамино новое вечернее платье. Цзяо-цзяо без лишних слов взял вину на себя. Узнай мама правду — она бы из меня отбивную сделала, а так до сих пор ничего не знает. А ещё он... хнык... ы-ы-ы...

Обладая отменным зрением, Цзи Яньсин даже в глубоком мраке сумел различить слёзы на щеках товарища. Сам он по натуре был человеком холодным и сдержанным, но эти чувства понимал без лишних слов. Между ним и малым генералом Фу была точно такая же крепкая, нерушимая дружба.

«Я могу ругать тебя на чём свет стоит, подмечать любые недостатки, но горе тому чужаку, кто посмеет сказать о тебе дурное слово. Все твои добрые дела я свято храню в своём сердце».

— Цзяо-цзяо, где же ты сейчас? Я так по тебе соскучился, у-у-у...

Не успел Фу Ян до конца излить душу, как из коридора донёлся яростный крик дежурной:

— Эй, там, в двести девятой на втором этаже! Разорались посреди ночи, будто по покойнику воют! Живо спать, живоглоты!

Слёзы Фу Яна мгновенно высохли. Древний, укоренившийся в подсознании страх перед гневом комендантши взял своё, и парень затих, укутавшись в одеяло. Он и сам не заметил, как провалился в глубокий сон.

Чего нельзя было сказать о Цзи Яньсине. Словно тяжкий камень лежал у него на груди, не давая сомкнуть глаз до самого рассвета.

— Да чтоб тебя...

Цзи Яо со злостью уставился в расписной потолок. Ну и где обещанные в романах чудеса, согласно которым достаточно просто лечь спать, чтобы вернуться в своё тело? Чушь собачья, всё наглое враньё.

Стоило служанке переступить порог его покоев, как она испуганно вздрогнула. Цзи Яо невольно поморщился: у всех здешних девиц лица были словно под копирку, стоило им завидеть господина.

— Дэбао!

— Я здесь, господин.

— Послушай, я в прошлом часом не баловался какими-нибудь изысканными пытками для слуг, о которых теперь благополучно позабыл?

— Помилуйте, господин, вы всегда отличались кротостью и милосердием. Такого никогда не бывало.

— Тогда почему эти бедные девчушки шарахаются от меня, точно мыши от матёрого котяры? Неужто я и впрямь такой свирепый, как малевал тот же Фу Ян?

— Малый генерал Фу... вероятно, просто оберегал ваши чувства и не желал беречь старые раны.

— Чего?

— Когда вам минуло шестнадцать, Его Величество сосватал за вас барышню из благородного семейства Пэй... Однако не прошло и нескольких дней, как несчастная дева безвременно скончалась. Позже девица из рода Сюй, не поверив дурным слухам, тоже изъявила желание выйти за вас замуж, но её постигла та же участь...

Выходит, Фу Ян проявил едва ли не вершину такта, деликатно умолчав о том, что его друг — ходячее проклятие для любой невесты? Чёрт, а он-то ещё издевался над ним. Позорище. Ладно бы дело ограничивалось лишь хлипким здоровьем этого тела, так нет же — у парня оказалась настолько тяжёлая судьба, что он буквально сводил жён в могилу ещё до свадьбы!

«Смешнее анекдота я в жизни не слышал. Определённо, лучшая шутка этого года».

— Всё, довольно, — Цзи Яо поспешил прервать слугу, изо всех сил стараясь скрыть неловкость.
— Забудь. Считаю, что у меня начисто отшибло память.

И дёрнул же его чёрт за язык выпрашивать всякие глупости!

«Теперь-то всё прояснилось. Бойтесь, что я положу на вас глаз и угроблю своим проклятием? Ладно, молоденькие служанки робеют, но почтенная тётушка, колющая дрова на заднем дворе, чего так дрожит? Уж на её-то долю моей зловещей ауры точно не хватит».

Быстро покончив с завтраком, Цзи Яо велел запрягать экипаж и отправляться во дворец.

— Дэбао, сегодня я поеду один. Оставайся в поместье.

— Но господин, помилуйте! — не на шутку встревожился слуга. — Вам сейчас никак нельзя оставаться без охраны. Это слишком опасно!

— С чего ты взял, что я буду один? — Цзи Яо небрежно указал в окно, где у кареты переминались с ноги на ногу гвардейцы. — Вон сколько молодцев приставили. К тому же, середь бела дня никто не решится совершить покушение на главной улице столицы государства Ци. Не настолько же наши враги глупы. Сегодня у тебя будет куда более важное поручение.

Он подозвал слугу поближе и зашептал ему на ухо:

— Переоденься в простое платье, ступай к Павильону Восьми Направлений и держи ушки на макушке. Как только я переступлю порог дворца, разузнай, какие слухи поползут среди чужеземных послов и куда вообще подует ветер.

Дэбао насупился, но перечить не посмел. Лишь преданно поклонился:

— Слушаюсь, господин. Берегите себя.

Экипаж неторопливо катился по столичным улицам. Путь до императорской резиденции обошёлся без происшествий, однако прямо у ворот Цзи Яо стал свидетелем весьма любопытной сцены.

Точнее сказать, перед ним предстала целая толпа разряженных придворных дам. Одна из них стремительно неслась вперёд, а остальные, высоко задрав подолы юбок, с трудом поспевали следом.

— Ваше Высочество, та барышня впереди... уж не принцесса ли Минъюэ? — неуверенно спросил возница.

«Младшая сестра Цзи Яньсина?» — Цзи Яо сощурился, пытаясь разглядеть беглянку.

Расстояние было приличным, но стоило девушке заметить его карету, как она резко сменила направление и припустила прямо к нему, звонко крича на ходу:

— Брат! Любимый мой братец!

Цзи Яо так и застыл, судорожно вцепившись в обивку сиденья. Это лицо... Да перед ним была вылитая его старшая сестра, Цзи Мэн! Невероятным усилием воли он заставил себя остаться на месте и не выскочить наружу.

— Братец! Ну почему ты молчишь? — надула губки принцесса, подбежав ближе.

«И что мне ей сказать?» — панически соображал Цзи Яо. Каково это — когда та, перед кем ты всю жизнь ходил по струнке, благоговейно величая «сестрицей», вдруг задорно прыгает перед тобой в роли младшей сестрёнки?

«Нет, это точно принцесса Минъюэ, а не моя Мэн-мэн. Сестра по натуре — холодная, властная львица, на её лице никогда не бывало столь детского, обезоруживающе наивного восторга».

— И что тут у вас за забеги? — как можно мягче спросил он, придав голосу снисходительный тон.

— Закаляем тело и дух! — весело рассмеялась девушка. — Ты только посмотри на моих служанок — бледные неженки, от малейшего дуновения ветра готовы в обморок упасть. Сегодня такой погожий денёк, вот я и решила растряссти этот сонный приют: вытащила всех на прогулку, заодно и воздушного змея запустить.

Сама Минъюэ выглядела бодрой и румяной, тогда как бегущие следом фрейлины еле держались на ногах, хрипя и хватая ртами воздух от изнеможения.

— Совсем ты девочек замучила.

— Братец, ты просто ничего не знаешь! Вчера я гостила в поместье генерала Чжана — мы ведь дружим с его старшей дочерью. У неё как раз был день рождения, и я осталась на ночь. Так вот, я своими глазами видела, какие у них девки боевые: и тяжёлые кувшины таскают, и мешки ворочают! А мои клуши только и умеют, что веером обмахиваться. Всё от лени и хлипкого сложения, так что тренировки им только на пользу!

Услышав это, несчастные служанки позабыли о всяком страхе перед грозным Седьмым принцем и устали на Цзи Яо умоляющими, полными слёз глазами.

«Надо же, лицо то же, а характер совершенно иной. словно небо и земля», — мысленно покачал головой Цзи Яо.

— Довольно на сегодня. Закалка — дело постепенное, тут спешка лишь навредит. Отпусти бедняжек отдохнуть.

— Ну ладно, так и быть, — неохотно согласилась Миньюэ. — Можете расходиться. Шуньхуа, Цзяньси — вы останьтесь со мной, остальные свободны.

Фрейлины, точно услышав указ о помиловании, едва не попадали на колени, мысленно вознося молитвы во здравие Седьмого принца.

«Шуньхуа, Цзяньси... Имена красивые, явно навеянные древней поэзией. Но эта пигалица точно не могла придумать ничего подобного».

Цзи Яо невольно вспомнил свою настоящую сестру — статную, сдержанную, которая лишь для него одного делала исключение, одаривая тёплой улыбкой. Узнай она, какой весёлой егозой была в своей «прошлой жизни», наверняка сгорела бы от стыда.

— Братец, а ты куда так торопишься? Возьми меня с собой!

— Не сегодня, глупышка. У меня важная встреча, предстоит обсудить государственные дела.

Принцесса Миньюэ разочарованно надула губки:

— Ну вот, вечно ты занят... Ладно, побегу я. Но смотри, как только освободишься, сразу ко мне! Мне тут прислали кучу диковинных вещей, обязательно покажу тебе.

— Договорились, — улыбнулся он.

У Цзи Мэн была её зрелая, завораживающая красота, у Минъюэ — очаровательная детская непосредственность. Но, как ни крути, кровные узы — штука удивительная.

Тронный зал

Цзи Яо вошёл в просторный кабинет и отвесил глубокий поклон:

— Приветствую вас, отец-император. Генералы, прошу простить мне мою задержку.

— Что вы, Ваше Высочество, пустяки, — в один голос отозвались военачальники.

— Яньсин, дитя моё, ступай скорее сюда! — Император Ци так и лучился азартом. — Погляди, это подробный план нашей столицы. Ну-ка, оцени.

Огромный песчаный макет воссоздавал город с поразительной точностью. Крошечные копии дворцов, улочек и площадей были снабжены миниатюрными табличками с названиями — исполнение ничуть не уступало детальным планам из двадцать первого века.

Цзи Яо внимательно изучил макет. В его голове уже зрел чёткий, дерзкий план.

— Перейдём сразу к делу, без лишних предисловий. Считается, что благая весть приходит с востока. А значит, войска нашего великого государства Ци должны выстроиться лицом к восточным рубежам вдоль Улицы Вечного Покоя. Нам потребуется ровно пятьдесят тысяч отборных воинов. Кого именно отнести к элите — уверен, вам, почтенные генералы, знать лучше меня. На вас уповаю.

— Сделаем всё в лучшем виде, Ваше Высочество, — твёрдо заверили те.

— Времени мало, так что отбор проводите без лишней волокиты, — вмешался Император Ци. — Но если среди ратников сыщутся особо одарённые юноши — немедленно докладывайте Нам лично.

Генералы переглянулись. Стало предельно ясно: государь вознамерился взрастить новое поколение верных полководцев. Они почтительно склонили головы в знак согласия.

— Как только закончите сбор, начнём распределение по расчётам и разучивание строевых команд, — продолжил Цзи Яо. — Синхронные повороты при статичном строе — задача нехитрая. А вот слаженное движение многотысячной колонны перед замершими трибунами — именно то, что должно повергнуть послов Великого Ди в священный трепет. В этом и заключается суть нашего военного смотра.

— Что именно вы имеете в виду, Седьмой принц? — нахмурился генерал Чжан.

— Нам нужно отобрать ещё две тысячи воинов. И если те пятьдесят тысяч — просто элита, то эти две тысячи должны быть лучшими из лучших, вершиной мастерства.

По-хорошему, строевой устав следовало бы внедрить во все регулярные части — это не только привьёт дисциплину, но и поднимет боевой дух. Однако за какие-то жалкие пару недель обучить всю армию невозможно. А вот подготовить образцово-показательный полк для парада — вполне выполнимая задача.

— Они пройдут маршем перед трибунами при полном вооружении. Обычная ходьба не произведёт должного эффекта и покажется хаотичной толпой. Нам нужна безупречная синхронность: единый шаг, единый ритм дыхания, громогласные команды и четкое приветствие.

Слушатели согласно закивали. Слова принца звучали разумно. Вот только суровые ветераны даже не подозревали, что «шаг и команды», о которых толковал Цзи Яо, не имели ничего общего с привычными маневрами. Он имел в виду знаменитый, отточенный до миллиметра парадный строевой шаг из двадцать первого века.

Цзи Яо в общих чертах обрисовал им концепцию строевой подготовки. Конечно, конечный результат зависел исключительно от упорства самих солдат.

Император Ци слушал сына, приоткрыв рот от удивления. Наконец, опомнившись, он повернулся к военачальникам:

— Генералы, что скажете? Затея Нашего сына осуществима?

— Ваше Величество, если всё обстоит так, как описывает Седьмой принц, то эти две тысячи человек действительно должны быть сделаны из стали, — задумчиво произнес генерал Чжан.

Генерал Пан хмуро кивнул:

— Ох и наплачутся же они на тренировках.

— Что за упаднические настроения! — отрезал генерал Чжан. — Если бы воины государства Ци страшились тягот, разве раскинулась бы наша великая держава под небесами?

— Золотые слова! Именно так! — расплылся в улыбке император. — Что ж, Мы желаем лично узреть, какой мощью предстанет перед Нами армия Ци через двадцать дней!

— Время не ждёт, генералы. Нам нужно приступать без промедления, — поторопил их Цзи Яо.

— Уже сегодня после полудня я стяну первые полки на Большое тренировочное поле севера города, — отрапортовал генерал Пан.

— Ни в коем случае, генерал Пан! — резко возразил Цзи Яо. — Всё должно оставаться в строжайшей тайне. Проводите первичный отбор незаметно, разбив людей по малым гарнизонам внутри города. Через три дня мы начнём скрытно, небольшими группами, перебрасывать солдат. Скажите, есть ли поблизости от столицы просторные, но надёжно укрытые от чужих глаз ущелья или горные долины с ровным рельефом?

Оба военачальника понимающе переглянулись. Дело действительно государственной важности, шпионы не должны пронюхать о манёврах раньше времени.

— Есть такое место, — кивнул генерал Пан. — Огромная долина с ровной землёй, скрытая за отвесными скалами. Вход туда — узкая расщелина, чужаку вовек не сыскать. Я наткнулся на неё случайно во время осенних манёвров несколько лет назад.

— Великолепно. Понятно, что полностью скрыть перемещение пятидесяти тысяч человек не удастся, но главное — утаить суть происходящего до самого дня торжества. Нам нужен эффект разорвавшейся бомбы. Солдат необходимо полностью изолировать от внешнего мира на время тренировок.

— Можете не сомневаться, мы всё устроим в лучшем виде, — заверили генералы.

— Тогда в ближайшие три дня вся надежда на вас. Заранее благодарю за труды.

— Пустяки, Ваше Высочество. Самая тяжёлая работа ляжет на ваши плечи, когда начнётся муштровка.

Цзи Яо вдруг кое-что вспомнил и обернулся к государю:

— Отец-император, есть ещё одно деликатное дело, которое я считаю крайне важным.

Император Ци, доселе лишь молча кивавший, заметно приободрился, обрадованный тем, что о нём наконец вспомнили:

— Говори, Яньсин, Мы внимательно слушаем.

— Наши воины прольют немало пота. И если мы затеваем всё это великолепие лишь ради того, чтобы припугнуть диких варваров, не будет ли это непозволительным расточительством?

— К чему ты клонишь?.. — прищурился правитель.

— Я смиренно прошу вас, отец, тайно направить приглашения правителям всех сопредельных мелких государств. Пусть пришлют своих лучших послов в столицу Ци.

Император изумлённо вскинул брови. На лицах генералов отразилось не меньшее потрясение.

— Сын мой, ты уверен в успехе? — медленно спросил государь. — Коли замысел удастся — слава наша прогремит на весь мир. Но если мы опростоволосимся, то станем посмешищем для всех соседей.

Цзи Яо впервые за долгое время посерьёзnel. В конце концов, в груди любого мужчины дремлет безумная, порой иррациональная уверенность в собственных силах. Он обдумал всё ещё по дороге во дворец. Двум смертям не бывать, а одной не миновать — так зачем мелочиться? Если уж играть, то по-крупному. Быть может, его имя запишут в хроники, и далёкие потомки будут взирать на него с благоговением.

Конечно, это были лишь честолюбивые грёзы, но прагматичная натура твердила: идти на столь колоссальный риск ради мелкой победы просто глупо. Это как на съёмочной площадке: если тебе всё равно суждено гробить здоровье на ночных сменах, то почему бы не потребовать главную роль? Коль уж судьба забросила его в этот мир и не спешит возвращать назад, нужно заявить о себе во весь голос.

Приняв решение, Цзи Яо поднял голову и твёрдо произнёс:

— Сын ваш костями ляжет, но не посрамит чести государства Ци.

Император Ци долго, испытывающе всматривался в лицо сына. Наконец его суровый лик смягчился, и он ровно выдохнул:

— Да будет так. Повелеваю исполнить.

— И последнее, отец. Дабы отвести любые подозрения, объявите во всеуслышание, что за дерзость и пренебрежение уроками вы разгневались на меня и сослали под домашний арест в моё поместье. Пусть все думают, что мне запрещено покидать дом без особого соизволения.

Так ему будет гораздо проще тайно руководить тренировками, не привлекая внимания лазутчиков.

«Какую же грандиозную партию затеял Седьмой принц», — подумали присутствующие. Этот юноша вознамерился одним махом накрыть все коварные замыслы врагов и растоптать их волчьи аппетиты.